

Леонид Андреев - Рассказ о семи повешенных

Старый, тучный, измученный болезнями человек сидит в чужом доме, в чужой спальне, в чужом кресле и с недоумением рассматривает свое тело, прислушивается к своим чувствам, силится и не может вполне осилить мыслей в своей голове: «Дураки! Они думают, что, сообщив мне о готовящемся на меня покушении, назвав мне час, когда меня должно было на куски разорвать бомбой, они избавили меня от страха смерти! Они, дураки, думают, будто спасли меня, тайком привезя меня и мою семью в этот чужой дом, где я спасен, где я в безопасности и покое! Не смерть страшна, а знание её. Если бы кто, наверное, знал день и час, когда должен умереть, он не смог бы с этим знанием жить. А они мне говорят: «В час дня, ваше превосходительство!..»

Министр, на которого революционеры готовили покушение, задумывается в ту ночь, которая могла стать его последней ночью, о блаженстве неведения конца, словно кто-то сказал ему, что он не умрет никогда. Злоумышленники, задержанные в установленном по доносу время с бомбами, адскими машинами и револьверами у подъезда дома министра, проводят последние ночи и дни перед повешением, к которому их наскоро приговорят, в размышлениях столь же мучительных.

Как это может быть, что они, молодые, сильные, здоровые, — умрут? Да и смерть ли это? «Разве я её, дьявола, боюсь? — думает о смерти один из пятерых бомбометателей, Сергей Головин. — Это мне жизни жалко! Великолепная вещь, что бы ни говорили пессимисты. А что, если пессимиста повесить? И зачем у меня борода выросла? Не росла, не росла, а то вдруг выросла — зачем?..»

Кроме Сергея, сына отставного полковника (отец при последнем свидании пожелал ему встретить смерть, как офицер на поле брани), в тюремной камере еще четверо. Сын купца Вася Каширин, все силы отдающий тому, чтобы не показать сокрушающий его ужас смерти палачам. Неизвестный по кличке Вернер, которого считали зачинщиком, у которого свое умственное суждение о смерти: совсем неважно, убил ты или не убил, но, когда тебя убивают, убивают тысячи — тебя одного, убивают из страха, значит, ты победил, и смерти для тебя больше нет. Неизвестная по кличке Муся, похожая на мальчика-подростка, тоненькая и бледная, готовая в час казни вступить в ряды тех светлых, святых, лучших, что из века идут через пытки и казни к высокому небу. Если бы ей показали после смерти её тело, она посмотрела бы на него и сказала: «Это не я», и отступили бы палачи, ученые и философы с содроганием, говоря: «Не касайтесь этого места. Оно — свято!» Последняя среди приговоренных к повешению — Таня Ковальчук, казавшаяся матерью своим единомышленникам, так заботливы и любовны были её взгляд, улыбка, страхи за них. На суд и на приговор она не обратила никакого внимания, о себе совсем забыла и думала только о других.

С пятерыми «политическими» ждут повешения на одной перекладине эстонец Янсон, еле говорящий по-русски батрак, осужденный за убийство

хозяина и покушение на изнасилование хозяйки (сделал он все это сдуру, услышав, что похожее случилось на соседней ферме), и Михаил Голубец по кличке Цыганок, последним в ряду злодеяний которого было убийство и ограбление трех человек, а темное прошлое — уходило в загадочную глубину. Сам себя Миша с полной откровенностью именуется разбойником, бравирует и тем, что совершил, и тем, что теперь его ожидает. Янсон, напротив, парализован и содеянным, и приговором суда и повторяет всем одно и то же, вкладывая в одну фразу все, чего не может выразить: «Меня не надо вешать».

Текут часы и дни. До момента, когда их соберут вместе и затем вместе повезут за город, в мартовский лес — вешать, осужденные поодиночке осиливают мысль, кажущуюся дикой, нелепой, невероятной каждому по-своему. Механический человек Вернер, относившийся к жизни как к сложной шахматной задачке, мигом исцелится от презрения к людям, отвращения даже к их облику: он как бы на воздушном шаре поднимется над миром — и умилится, до чего же этот мир прекрасен. Муся мечтает об одном: чтобы люди, в чью доброту она верит, не жалели её и не объявляли героиней. Она думает о товарищах своих, с которыми суждено умереть, как о друзьях, в чей дом войдет с приветом на смеющихся устах. Сережа изнуряет свое тело гимнастикой немецкого доктора Мюллера, побеждая страх острым чувством жизни в молодом гибком теле. Вася Каширин близок к помешательству, все люди кажутся ему куклами, и, как утопающий за соломинку, хватается он за всплывшие в памяти откуда-то из раннего детства слова: «Всех скорбящих радость», выговаривает их умильно... но умиление разом испаряется, едва он вспоминает свечи, попа в рясе, иконы и ненавистного отца, бьющего в церкви поклоны. И ему становится еще страшнее. Янсон превращается в слабое и тупое животное. И только Цыганок до самого последнего шага к виселице куражится и зубоскалит. Он испытал ужас, только когда увидел, что всех на смерть ведут парами, а его повесят одного. И тогда Танечка Ковальчук уступает ему место в паре с Мусей, и Цыганок ведет её под руку, остерегая и нащупывая дорогу к смерти, как должен вести мужчина женщину.

Восходит солнце. Складывают в ящик трупы. Так же мягко и пахуч весенний снег, в котором чернеет потерянная Сергеем стоптанная калоша.

Скачано с сайта [Краткое Содержание](http://kratkoe-soderjanie.ru).